

Михаил Волконский

Черный человек

Вязниковский самодур

Михаил Волконский

Черный человек

«Public Domain»

1914

Волконский М. Н.

Черный человек / М. Н. Волконский — «Public Domain»,
1914 — (Вязниковский самодур)

«С самой смерти Петра Великого почти сто лет правили Россией женщины. Наследовала Петру Екатерина I, супруга его; миновало кратковременное царствование Петра II, вступила на престол Анна Иоанновна; после нее недолго правила как регентша Анна Леопольдовна, ее сменила Елизавета, дочь Петра, а затем, после опять-таки короткого промежутка, когда на престоле был мужчина Петр III, стала править императрица Екатерина II, названная историею Великою...»

© Волконский М. Н., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	15
VI	17
VII	19
VIII	22
IX	24
X	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Волконский

Черный человек

I

С самой смерти Петра Великого почти сто лет правили Россией женщины. Наследовала Петру Екатерина I, супруга его; миновало кратковременное царствование Петра II, вступила на престол Анна Иоанновна; после нее недолго правила как регентша Анна Леопольдовна, ее сменила Елизавета, дочь Петра, а затем, после опять-таки короткого промежутка, когда на престоле был мужчина Петр III, стала править императрица Екатерина II, названная историею Великою.

Это почти столетие женского правления в России приучило «общество», то есть людей, близко стоящих ко двору, и людей, близко стоящих к этим людям, к мягкому снисходительному обращению, изнеженности и роскоши.

Придворные стыдились два раза показаться при дворе в одном и том же платье, а это платье, благодаря тогдашней моде расшивать его драгоценными камнями, жемчугом, шелками и золотом, стоило не десятки, а тысячи рублей.

Простые смертные, богатые помещики заводили у себя целые штаты, по образцу большого двора. Пройтись по улице пешком считалось неприличным – требовался собственный экипаж, запряженный четверней или шерстеркой цугом.

Утонченность кухни достигла баснословных размеров, и поварское дело было возведено на степень искусства, как в Риме во время упадка его. Явились расточители, доходившие почти до безумия в своих тратах, иногда совершенно бесцельных и ненужных. Жарили, например, себе жаркое не на дровах, а на корице. Сколько надо было сжечь этой корицы, чтобы блюдо было готово! Ванны себе делали не только из сливок, но и из земляники. Кружев на кафтан нашивали на десять тысяч рублей. Устраивали пиры, на которых на блюде подавались грудой бриллианты и алмазы, и гости брали их себе горстями. На воду кидали – как дети кидают камешки, чтобы они прыгали рикошетом, – чистые червонцы и забавлялись этим. Крепостной челяди держали в хоробах многое множество не только для себя, но даже для собачек. Кроме этой челяди, при господах состояли приживалки, карлицы, арапки и арапчата, стоившие огромных денег. В конце царствования Екатерины дошло наконец до того, что гвардейские офицеры ездили по городу не иначе, как в каретах цугом и с муфточками.

В ноябре 1796 года скончалась императрица Екатерина, и на престол вступил император Павел Петрович, не юный уже летами, как были Петр II и Петр III.

Павел Петрович, будучи наследником престола, вел жизнь уединенную, удалившись из Петербурга в Гатчину, где у него были заведены свои строгие порядки. В своем гатчинском уединении, в котором он провел долгие годы зрелым уже человеком, он, видимо, много думал о государственном благоустройстве и готовился к будущей своей деятельности государя огромного русского царства. Живым свидетельством этому служит ряд указов, один за другим следовавших немедленно по восшествии на престол Павла Петровича. Нет, кажется, отрасли государственного хозяйства и управления, которой бы не коснулись эти указы.

Началась живая, деятельная работа. В войске быстро была введена дисциплина. Гвардейские офицеры оставили свои кареты и муфты и должны были являться на парад в мундире, по форме.

Конечно, это казалось тяжелым. Меры, принятые императором Павлом против роскоши и расточительности, явились для изнеженных бар того времени чем-то ужасным. Ограничение

разгула было сочтено за ограничение свободы, но император продолжал требовать резкого изменения прежних условий жизни, подавая сам пример скромности и воздержанности.

Он хотел произвести ломку прежней жизни быстро и настойчиво, но общество, в течение столетия привыкшее к ней, противодействовало, подчинялось только по виду, и благие намерения Павла Петровича не приносили желанных результатов.

На ближайших помощников Павел Петрович был тоже несчастлив. Он не находил нужных людей, а большинство тех, на которых ему приходилось возлагать исполнение приказаний, исполняли их без должного разумения, часто совершенно изменяя самый смысл их.

Так, с первых же дней царствования Павла Петровича у Зимнего дворца был поставлен ящик, куда всякий мог класть прошения на имя государя. Сделано это было для того, чтобы государю знать непосредственную правду. Однако этой правды многим пришлось бояться. И вот, чтобы уничтожить этот опасный ящик, были положены в него такие прошения и подметные письма, что пришлось действительно снять его.

II

Вскоре после уничтожения ящика у памятника Петру I на Сенатской площади, у самой решетки, где стоял часовой, появилась женщина. Одета она была прилично, даже богато – в теплый меховой салоп и атласный капор, из-под которого выглядывало красивое личико. Появилась она у памятника и простояла целый день, с утра до вечера.

Часовому на посту не полагается разговаривать. Он не спрашивал женщины, но будочник – или алебарщик, по-тогдашнему, – подошел и спросил, что ей нужно.

– Разве нельзя стоять? – скромно спросила она в свою очередь.

– Нет, стоять можно – место здесь общественное...

– Ну, вот я и стою...

Что с ней было делать?

И на другой день тот же будочник опять на том же месте увидел ту же, одетую в хороший меховой салоп, женщину. Она стояла тихо, скромно...

И на третий день то же самое.

Будочник доложил околоточному, что вот третий день-де стоит у памятника Петру I женщина, никаких предосудительных поступков не делает, но стоит. Околоточный велел позвать его, если она придет и на четвертый день.

Женщина пришла. Будочник сбегал к околоточному – тот явился к памятнику. Видит, стоит женщина, хорошо одетая, стоит смирно, и спрашивает ее:

– Что вам угодно?

– Это, – отвечает она, – я скажу не вам, а только тому, кто постарше вас.

Околоточный не обиделся, потому что, во-первых, личико у женщины было хорошенькое, а, во-вторых, одета она была хорошо. Махнул он рукой, ушел, но, видимо, заинтересовался.

– А что, барыня у памятника стоит? – спросил он на другой день у алебарщика.

Тот ответил, что стоит.

Околоточный доложил тому, кто был чином повыше его, что появилась у памятника Петру I женщина. Тот тоже любопытствовал.

Так стояла эта женщина недели уже две. Доклад о ней наконец дошел до самого генерал-полицеймейстера.

– Прогнать! – приказал тот спервоначала.

Ему возразили, что прогонять не за что, так как женщина стоит, дурного ничего не делает, и притом личико у нее хорошенькое, а одета она прилично.

– Ну, хорошо, я сам съезжу, посмотрю! – согласился генерал-полицеймейстер.

Через несколько дней проезжает он мимо памятника, видит, как ему было доложено, стоит женщина в меховом салопе у решетки. Вышел он из саней, подошел к ней и спросил:

– Что вам угодно, сударыня?

– Это, – говорит женщина, поглядев на него, – я скажу одному только государю.

– Государя так нельзя видеть, сударыня, – отвечает он. – Ступайте домой.

– А разве нельзя здесь стоять? Ведь тут место общественное!

Генерал-полицеймейстер пожал плечами:

– Стойте, если угодно!..

Женщина опустила голову и осталась стоять.

Генерал-полицеймейстер велел в ежедневных рапортах между прочим доносить ему, стоит ли женщина у памятника Петру. Ему стали ежедневно доносить, что стоит.

Раз как-то случилось, что на докладе, когда государь был в хорошем расположении духа, генерал-полицеймейстер рассказал ему, что стоит-де у памятника Петру вот уже несколько

времени женщина, прилично одетая, и хочет рассказать что-то, но только ему одному, государю. Государь велел привести ее к нему.

И вот однажды рано утром явился к памятнику генерал-полицеймейстер и нашел женщину в салопе на обычном ее месте. Он взял ее и сам повел во дворец.

III

Государь вставал рано. Первый доклад у него был генерал-полицеймейстера. Когда тот явился, государь спросил:

– Ну, а что женщина у памятника?

– Она здесь, ваше величество.

Государь велел провести ее в свою, смежную с кабинетом, библиотеку и вышел к ней туда.

– Я – бывшая крепостная, а ныне вольноотпущенная князя Гурия Львовича Каравай-Батынского – Авдотья Иванова, – пояснила женщина на вопрос, кто она такая.

Государь оглядел ее. По виду, платью, манерам не похожа она была на вольноотпущенную крепостную.

– Ты – бывшая крепостная? – переспросил он.

– Актриса, ваше величество.

– Служила, значит, в трупке у князя?

– Моего благодетеля.

Нахмурившееся было лицо государя прояснилось.

– Значит, пришла не жаловаться на притеснения?

– Нет, ваше величество. Князь Гурий Львович скончался нынче осенью...

О внезапной и страшной смерти князя Каравай-Батынского знали уже и говорили по всей России. Вспомнил и государь о ней.

– Это – тот, – сказал он, – которого нашли в его спальне сгоревшим?

– Так точно, ваше величество. Нашли только голову, руки и ноги, а вместо туловища была грудка маслянистой сажи.

– Говорили, – перебил государь, – что сгорел он от спирта, которым натирался.

– Говорили так, ваше величество, но, насколько это – правда...

– Так об этом ты и пришла сказать мне?

Авдотья Иванова, или просто Дунька, как звали эту женщину, когда она служила в трупке князя, повалилась государю в ноги.

– Ваше величество! Одна-одинешенька на свете я. Помочь мне некому и заступиться за меня тоже некому... Начни я доносить по порядку – меня бы слушать не стали... Да и как мне тягаться с сильными людьми? Они теперь сильнее меня.

– Постой! – остановил ее государь. – Встань и рассказывай! На кого ты доносить хочешь?

– Не смею ни на кого доносить, – заговорила Дунька, встав, – а только совершилось нынче осенью в Вязниках, имении князя Каравай-Батынского, злое дело – нашли князя мертвым так странно и предали происшествие воле Божьей. Я как верная раба его бывшая не могу молчать и решила дойти до вашего величества. Если удастся, дескать, дойти – значит, вы меня выслушаете, потому что над таким вельможей и вдруг такое дело случилось...

Дунька говорила толково и разумно.

Загадочная смерть Каравай-Батынского не могла не вызвать интереса. По-видимому, эта бывшая крепостная что-то знала, что могло пролить свет на это темное дело. Государь подумал и проговорил:

– Говори, что знаешь!

– Знаю я, ваше величество, что жил покойный князь в здравии полном, принимал гостей хозяином хлебосольным. Вдруг среди этих гостей явился некий дворянин Александр Ильич Чаковнин, человек силы непомерной; сошелся он и вступил в дружбу с господином Труворовым, Никитой Игнатьевичем, тоже гостившим у князя. К этому времени приехала из Москвы обучавшаяся там актерскому искусству крепостная князя Марья, а за нею явился в Вязники некий Гурлов, офицерского чина, влюбленный в нее еще в Москве. И стал досаждать он князю.

Однажды прямо на его жизнь покушался – канделябром в него бросил бронзовым. С этим Гурловым столкнулись господа Чаковнин и Труворов. Они покровительствовали ему и укрыли его от поимки, после того как он на князя покушался. А Гурлов добивался, во что бы то ни стало, ту крепостную актерку высвободить... И много они досад покой-ному князю учинили, пока наконец не нашли в спальне князя мертвого.

– Только и всего? – спросил государь.

– Не осмелилась бы я тревожить ваше величество, если бы только всего и было. Досады от этих господ князю – досадами, а вот после смерти его оказалось, что жил в Вязниках – под видом княжеского парикмахера при театре – не кто иной, как наследник прямой князя, родственник его, тоже князь Каравай-Батынский. Жил он, однако, скрываясь, и только в самый день смерти князя объявился наследником, а до тех пор все мы знали его парикмахером – и больше ничего. Получил он теперь наследство после внезапной смерти князя и владеет всем имуществом. Гостей всех прежних разогнал. Остались при нем только господа Чаковнин да Труворов, да господин Гурлов, за которого этот новый князь сейчас же крепостную бывшую актрису Марью выдал замуж... Вот что я знаю, ваше величество.

IV

Вернулась Дунька из дворца, добившись наконец своего, и тут только опомнилась, словно от сна. Словно во сне она действовала до сих пор и как бы бессознательно решила на свой смелый план, удавшийся, однако, блистательно. Никто ее не недоумевал.

Получила она вольную вместе со всеми бывшими актерами в Вязниках от нового их владельца и пожелала уехать. Ее никто не задерживал. В течение прежней своей службы удалось ей скопить порядочно деньжонок – не даром считалась она любимицей умершего князя. Гардероб у нее тоже был.

Забрав свои деньги и уложив гардероб, уехала она, сама еще хорошенько не зная – куда. Сначала рассчитывала она, что наймется по своей специальности актрисой в какую-нибудь барскую труппу. Но потом мало-помалу начала ее разъедать тоска по бывалому ее житью в Вязниках.

И стало ей скучно, что вот должна она скитаться, как бездомная, а между тем там, в этих Вязниках, распоряжаются и живут посторонние люди после убитого ее «благодетеля», князя Гурия Львовича. Началось там вместо прежнего разгульного житья другое – скромное, вовсе не то, что было прежде.

Все больше и больше не давало это покоя Дуньке. Она решила, что поедет в Петербург, и отправилась туда, не зная еще хорошенько, что будет там делать. Натура у нее была такая, что ничего не умела она делать вполнину, и она отважилась на то, чтобы дойти до самого государя. Она была уже осведомлена, что он строг, любит доискаться правды, и надеялась, что, может быть, удастся ей поговорить с ним, как следует.

Ей удалось. Государь выслушал ее, ободрил и велел идти домой.

Ничего об обстоятельствах этой смерти Дунька не знала.

В Петербурге Дунька остановилась на заезжем дворе, в хорошей и чистой комнате (денег у нее было достаточно).

Когда пришла она из дворца к себе домой на заезжий двор, озноб забил ее. Она не волновалась ни тогда, когда генерал-полицеймейстер повел ее во дворец, ни тогда, когда ввели ее туда, ни даже, когда вышел к ней государь и пришлось разговаривать с ним, но теперь, когда все это прошло благополучно, ее так залихорадило, что она подумала, что схватила «лихоманку», простудившись у памятника.

Она велела принести себе горячего сбитня и принялась пить согревающую влагу его, как была в робе и уборе, чтобы поскорее в себя прийти.

Только что расположилась она у столика, как в дверь к ней раздался стук. Он был какой-то странный, сухой – два удара один за другим и потом после промежутка третий. Дуньке даже показалось, что ударили не в дверь, а где-то ближе как будто, точно в самый стол, за которым она сидела. Впрочем, теперь, после того что случилось с нею утром, все могло показаться ей странным.

Дверь отворилась, и в комнату вошел совсем не знакомый до сих пор Дуньке черный человек. Лицо у него было смуглое, два черных глаза горели, как угли, не покрытые париком короткие волосы, черные, как воронье крыло, вились мелкими кольцами, и весь он был одет в черное. На нем были бархатный черный кафтан с пуговицами темной стали, черный атласный камзол, такое же исподнее платье и черные чулки с лаковыми башмаками.

Дунька при виде этого посетителя невольно оробела и именно потому, что оробела, довольно грубо спросила:

– Кого надобно вам?

Черный человек улыбнулся и ответил:

– Вас.

«Это, должно быть, из дворца!» – сообразила Дунька и встала навстречу гостю.

Уж слишком много потратила она сегодня храбрости и присутствия духа, чтобы продолжать и теперь владеть собою. К тому же этот черный, по виду совсем особенный, человек внушал к себе как-то гораздо более безотчетного страха, чем все те, с которыми до сих пор приходилось разговаривать Дуньке.

«Нет, он не из дворца – он сам по себе», – словно сказал ей внутренний голос, и ей стало еще страшнее.

Она встала и остановилась.

– Ну, чего испугались? – покачал головою гость, – кажется, доказали сегодня, что не робкого десятка, а вдруг испугались...

– Да как же, сударь! – начала Дунька. – Вы изволите входить так ко мне, если я вас вовсе не знаю...

Гость сел против нее к столу, не дожидаясь приглашения, и проговорил:

– И не советую узнавать про меня, кто я такой и что я такое... Не советую... Впрочем, дело не в имени... Я пришел, во-первых, похвалить вас за удачное начало, а, во-вторых, сказать вам, что за это смелое и удачное начало получите вы в дальнейшем помощь.

Дунька приободрилась и спросила:

– От кого же ждать мне этой помощи?

– Это – тоже излишнее любопытство. Не допытывайтесь, потому что все равно ничего не узнаете. А слушайте лучше то, что я говорить вам буду. – И черный человек начал говорить. – Вот, видите ли, есть в вас смелость, и не только смелость, но даже дерзость большая, и это сослужит вам службу. Сегодня вы одна-одинешенька сделали большое дело – добились того, что сам государь выслушал вас. Теперь, вероятно, будет послано на место отсюда доверенное лицо для расследования дела о смерти князя Гурия Львовича Каравай-Батынского. Вероятно, лицо это возьмет вас с собою в Вязники и будет руководствоваться вашими показаниями. Сможете ли вы так же продолжать, как начали?

Дунька внимательно посмотрела на своего неведомого гостя. По-видимому, этот странный человек отлично знал все дело, по которому она приехала сюда. Но так сразу не могла она разобрать, истинно ли хочет он помогать ей или же нарочно прикидывается помощником, чтобы лучше противодействовать ей. Она всегда предполагала в чужих людях скорее дурное, чем хорошее.

– Я не знаю, что будет дальше, – ответила она, – но поступала до сих пор по искреннему своему усердию, потому что покойный князь Гурий Львович был моим благодетелем...

Черный человек, смеясь, перебил ее:

– Напрасно со мной-то хитрите, Авдотья Иванова!.. Князь – князем, а главное дело: не сиделось вам на месте, хотелось смутянить да роль какую ни на есть играть, и это, по-моему, гораздо лучше, чем там разные воспоминания о благодетелях!.. Вы это для обыкновенных людей берегите и говорите им, а я вас насквозь вижу.

– Значит, вы – как величать вас не знаю – считаете себя человеком необыкновенным? – вдруг спросила Дунька, которая рассердилась, потому что почувствовала правду в его словах.

– Эх, большой задор в вас! – одобрил ее, не смутившись, черный человек. – Вы именно такова, какую я представлял вас себе – из вас выйдет толк. Вы напрасно не верите мне...

Дунька удивилась.

– Разве я вам это сказала? – проговорила она.

– Не сказали, а все равно в мыслях не верите. Да оно и понятно: пришел человек с ветра, имени своего не говорит, а помощь обещает; может, и предатель какой, наверно даже предатель... Не правда ли?

– А хоть бы и так!

– Ну, вот видите! И такая черта похвальна в вас и тоже доказательством служит, что не ошибся я в вас. Очень хорошо-с. Ну, так вот-с, верьте вы мне или не верьте, а по первому разу совет я вам дам: лицо, что поедет с вами на расследование, вероятно, будет граф Косицкий. Служит он в сенате при обер-прокуроре. Человек он не молодой, но и не старый, и к женскому полу большую склонность чувствует. Так вот не упускайте случая и обойдите его, как сумеете; он легко поддается и в ваших руках будет.

Дунька растянула рот в широкую улыбку. Ее учили таким вещам, которые она и без всякой науки знала.

– Видно, ученого учить – только портить! – произнес черный человек. – Это вы и сами все оборудуете. Это – не шутка. А вот, как в Вязники приедете, там придется вам много борьбы вынести. Против сильного человека вы затеяли борьбу.

– Ни против кого борьбы я не затевала, – начала было Дунька.

– Ну, как же! Нынешнего владельца Вязников, князя Михаила Андреевича Каравай-Батынского, прямо в убийстве покойного князя, от которого наследство досталось ему, обвинили.

– Я лишь рассказала, что знаю, и никого не обвиняла.

– И хорошо сделали. Так именно и надо было поступить. Но только князь Михаил Андреевич – сильный человек, и не деньгами силен, не полученным наследством, и не знатностью рода или своим положением. Все это есть у него, но не в этом его главная сила...

– А в чем же?

– В чем? Этого не поймете вы и не узнаете. Только побороть его трудно будет. Так вот, если нужна вам будет помощь когда, то дайте мне знать – я помогу вам... Понимаете – я!..

Дунька пожала плечами, все еще не доверяя.

– Как же я вам дам знать, когда вы не говорите мне своего имени и отчества?

– Очень просто! – черный человек вынул из кармана кусок тонкого картона, на котором был изображен остроносый черный профиль силуэтом, достал складной ножик и разрезал картон неправильным зигзагом. – Вот, – сказал он, – один отрезок я оставляю у вас, а другой унесу с собою. Тот человек, у кого в руках увидите этот другой отрезок, будет от меня, и ему вы можете сказать, что нуждаетесь во мне, когда вам в том будет потребность... Я явлюсь. Вот и все. Поняли?

Дунька ничего не поняла, но отрезок картона с половиной носатого профиля взяла.

– Только я не понимаю, – сказала она, – зачем вы все это делаете?

– И не надо понимать вам. Помните, что я никаких условий вам не ставлю и ничего не требую от вас. Просто говорю: в трудную минуту для вас явится возле вас человек, у которого в руках будет другой вот отрезок – ему вы можете сказать, что нужен вам черный человек. Он заставит вас повторить это три раза. Повторите. Только будьте осторожны, сверьте раньше, приложите тот отрезок, что у вас, к тому, что вам покажут, точно ли он придется по обрезу... А затем до свидания. Денег не нужно вам?.. На всякий случай я оставляю, деньги всегда пригодятся. – Он встал, вынул из кармана кошелек и положил его на стол. – Ну, до свидания! – повторил он, направляясь к двери.

Дунька, убежденная положенным кошельком больше, чем всеми словами этого странного человека, присела ему, согласно этикету, и проговорила:

– Прощайте!

– Я говорю не «прощайте», а «до свидания», – поправил он ее. – Мы еще увидимся с вами. И с этими словами он вышел.

В кошельке оказалось двадцать пять червонцев – сумма по тогдашнему времени не маленькая.

Пересчитав и спрятав деньги, Дунька выскочила из своей комнаты в коридор. Там Мавра, служанка на заезжем дворе, рябая, подслеповатая, мыла посуду.

- Ты видела, кто был у меня? – спросила ее Дунька.
- Когда?
- Да вот сейчас.
- Никого не видала.
- Да ты все время была тут? И не уходила никуда?
- И не уходила никуда.
- И никого не видела?
- Никого.

Дунька опросила всех домашних, но никто ни на дворе, ни в доме не видал черного человека, приходившего к ней.

Как бы то ни было, но оставленные им деньги были налицо и отрезок картона тоже. Мало того – все, что говорил черный человек, пока оправдалось.

Действительно, для расследования дела о смерти князя Гурия Львовича Каравай-Батынского было назначено особое лицо, и им оказался состоящий при обер-прокуроре сената граф Косицкий. Он призывал к себе Дуньку, долго расспрашивал ее, записал все, что она ему сообщила, и приказал ей готовиться к отъезду, заявив, что возьмет ее с собою.

В первый раз она пробыла у графа сравнительно недолго, и принял он ее, не посадив, а заставив рассказывать стоя. Вскоре он снова призвал ее к себе, и на этот раз она оставалась у него гораздо дольше, и граф посадил ее.

Чем ближе шло дело к отъезду, тем чаще и чаще посещала графа Дунька и наконец стала ходить к нему по вечерам. Видно, граф принялся за расследование дела очень ретиво, если понадобился такой частый допрос бывшей актрисы, хорошенькой собой Дуньки, прошедшей школу знаменитого в свое время вязниковского самодура Каравай-Батынского.

После двухнедельных сборов выехал из Петербурга на расследование граф Косицкий в большом сравнительно поезде, с секретарем и прислугой, в нескольких возках. В одном из них помещалась Дунька. На полпути до Москвы пересела она в возок к самому графу и продолжала дорогу уже в этом возке.

V

Шумные, наполненные гостями при прежнем владельце, Вязники совершенно изменили свой характер.

Актеры бывшей труппы были отпущены на волю. Страшные подвалы, где производилась иногда кровавая расправа, заколочены. Дворня была распущена, мужики, несшие прежде непосильную барщину, переведены на оброк.

Флигель, где прежде по месяцам жила гости, спешно перестраивался под больницу. Парадные комнаты большого дома отапливались, но почти никогда не освещались по вечерам и днем пустовали.

Жилую часть в доме составлял коридор с примыкавшим к нему рядом комнат. Тут были и кабинет, и спальня нового владельца, князя Михаила Андреевича, и комнаты, где жили его новые друзья: Чаковнин, Труворов и Гурлов с молодой женой.

Теперь в Вязниках ложились рано, и в десятом часу вечера, после общего ужина, все расходились, и жизнь затихала.

Никита Игнатьевич Труворов находился в периоде бессонницы, которая иногда вдруг сменяла у него почти болезненную спячку. Он ложился спать, медленно и методично снимая с себя свое одеяние, зная, что не заснет скоро, и нарочно возился дольше, чем это нужно было, чтобы протянуть время. Но, как ни тянул он, все-таки, когда он наконец очутился в колпаке и ночной сорочке в своей постели, сон не приходил к нему. Витая свеча горела на ночном столике. Никита Игнатьевич развернул большой кусок ее и выпрямил – пусть горит еще долго, тушить он ее не станет.

Но бессонница не казалась ему мучительной. Он любил даже так вот лежать на кровати, с заложенными за голову руками, и думать... Он думал о том, что хорошо жить на свете, когда кругом добрые, хорошие люди, а такими добрыми и хорошими казалось ему большинство. Тех же, которые делали дурно и были злые, он не ненавидел, но жалел и старался найти в них все-таки хотя что-нибудь хорошее.

Теперь его окружали только добрые, по его мнению, люди, очень добрые, и ему было хорошо среди них. И спать было хорошо, и не спать – тоже. Если лежать так и не спать – можно было думать о том, какой мягкий, тихий человек князь Михаил Андреевич, какая славная Маша, которую выдали они за Гурлова, и как тот любит ее и счастлив с нею.

Так лежал Никита Игнатьевич и думал.

Вдруг он ясно услышал, что в коридоре скрипнула половица. Во всем доме была тишина, и за окнами на дворе ничего не было слышно. Погода стояла тихая, ветра не было. Будь зимою мухи – их полет можно было бы различить. Никита Игнатьевич приподнял голову и прислушался. Снова скрипнула половица. Труворов еще напряг слух: по коридору шел кто-то. Теперь не было в этом сомнения.

– Кто бы это мог быть и кому понадобилось ночью идти по коридору в сторону комнаты князя Михаила Андреевича?

Судя по скрипу, шаги направлялись именно к комнате князя.

Труворов спустил ноги с кровати, вдел их в туфли, накиннул ватный шлафрок, потушил свечу, подкрался к двери и, тихонько приотворив ее, прильнул глазом к щели.

Коридор был тускло освещен масляной лампой, горевшей в конце его. При бледном свете этой лампы Никита Игнатьевич увидел женскую фигуру, ошупью пробирающуюся на цыпочках. Она шла, тихо ступая, но не пробуя и не выбирая половиц, чтобы не скрипели они. Она подвигалась вперед по прямому направлению, не оглядываясь, но Труворову показалось, что он узнал ее. Это была Маша, жена Гурлова.

Она уже миновала дверь, у которой стоял Труворов, и он высунул голову в коридор. Маша (теперь он увидел, что это была она) прямо направилась к двери в кабинет князя Михаила Андреевича, отворила ее и вошла.

Труворов подумал в первую минуту, что он спит, и то, что он только что видел, было не наяву, а во сне – таким несуразным оно показалось ему.

Он притворил дверь, нащупал на столе серники, зажег свечу и потрогал будто нечаянно сам для себя ее пламя. Показалось горячо – он не спал. В таком случае как же это Маша ночью потихоньку прошла в кабинет к князю?

Какие объяснения ни старался найти Никита Игнатьевич – ни одно не могло иметь даже тени правдоподобия. Он развел руками и заходил по комнате.

Он ходил так очень долго, пока наконец опять не слышались шаги Маши по скрипучим половицам коридора. Труворов опять в щель своей двери видел, как она прошла из кабинета князя в свою комнату.

VI

Дунька совершила долгий переезд из Петербурга в возке графа Косицкого вполне благополучно.

Прибыли они в губернский город, в округе которого находились Вязники, и Косицкий остановился не у губернатора, а в частной, нанятой для него заранее посланным дворецким, квартире. Дуньку поместил он в единственной в городе гостинице.

Кроме нее, его самого и его секретаря, никто в городе не должен был знать до поры до времени истинной причины его приезда. Губернатор был осведомлен о том, что граф прислан из Петербурга со значительными полномочиями, что приказано было выдавать ему, по его требованию, всякие дела, не исключая и секретных, но, по какому именно делу явился он, губернатор не знал.

К Косицкому Дунька пробиралась теперь тайком, а остальное время сидела большей частью у себя дома в гостинице, опасаясь слишком часто показываться на улицах, чтобы не возбудить лишних толков. Она или спала целый день, или просто лежала на постели, или сидела у окна и смотрела на прохожих. Когда она не спала, то непременно жевала что-нибудь сладкое.

Такая ленивая жизнь не была противна ей и не утомляла ее ни своей скукой, ни однообразием. Полная праздность пришлась по душе ей. Она быстро и энергично повела себя с графом Косицким и в настоящую минуту не желала ничего большего. Даже теперь дело, по которому она ездила в Петербург и ради которого граф приехал с ней, отодвинулось для нее на второй план, потеряло свой острый интерес, и она перестала думать о нем, с каждым днем все более и более предаваясь лени и праздности.

Раз, когда Дунька сидела так у окна, к последнему подошел продавец с коробом. Таких продавцов ходило много тогда по городам и селам, и не было ничего удивительного, что один из них подошел к окну гостиницы, заметив там молодую женщину. В коробах носили всякую всячину, до которой падки франтихи, – притиранья, зеркальца, пудру, дешевые колечки и сережки, блошинные ловушки, а кроме того, у этих продавцов часто бывали и разные эликсиры жизненные, капли любовные, нашептанная вода и талисманы. Дунька заметила продавца и стала присматриваться к нему. Лицо его показалось ей знакомо. Она положительно где-то видела этого человека.

Он заглянул к ней в окно. Блеснули его черные, как угли, глаза, и Дунька сейчас же узнала в коробейнике того черного человека, который приходил к ней незванный в Петербурге.

Он говорил что-то, что нельзя было разобрать из-за двойных рам, и махал руками, показывая на короб; очевидно, он предлагал свой товар и просил, чтобы его впустили.

Одет он был вполне подходяще к своей роли – в тулуп и валенки, а на голове у него была высокая баранья шапка. Но лицо у него оставалось бритое, и был он похож на цыгана.

Сначала Дунька отстранилась было, и в душе дорого бы, кажется, дала, чтобы черный человек прошел мимо. Но он оставался под окном и продолжал махать руками.

Дуньку сейчас же взяло любопытство – зачем он пожаловал вновь к ней? Она позвала прислуживающего и велела привести продавца.

Тот вошел с прибаутками и ужимками, так же точно не изменяя себе ни в чем, как неизменно казался барином в первое свое посещение.

– Барыня, хорошая, разные средства верные имеем... Купи, барыня хорошая! – бормотал он, разворачивая свой короб, а, как только ушел приведший его слуга, выпрямился, достал из кармана отрезок картона с частью черного профиля и произнес своим, уже знакомым Дуньке, сухим и твердым голосом: – Если вы не узнали меня, то, наверно, помните условный этот знак.

– Я вас узнала, – ответила Дунька, не обинуясь. – Только вы, помнится, говорили, что с этим картоном явится ко мне кто-то, когда мне нужна будет помощь.

– А явился я к вам сам, потому что вам в данную минуту нужна помощь, и очень серьезная.

– Пойдите, – остановила его Дунька. – Как же вы явились? Из Петербурга, значит?

– Ну, что ж тут удивительного? Ведь вы тоже приехали сюда из Петербурга. Дело не в том...

– Да, но мне пока никакой помощи не нужно. Все идет хорошо.

– Вы думаете? – Он пожал плечами, и губы сложились у него в несколько презрительную улыбку. – Из-за того, что вам удалось так легко, как я говорил вам, обвести графа Косицкого, вы готовы уже сложить руки? Вы думаете, дело сделано? Вы успокоились и не хотите палец о палец ударить? А между тем там действуют...

– Где «там»? – переспросила Дунька.

– В Вязниках. Там обо всем уже известно и принимаются меры. Не приди я сегодня к вам – может быть, было бы поздно.

– Как же «там» могут действовать, когда никто в городе не знает, зачем сюда приехал граф? – удивилась Дунька.

– В городе, может быть, и не знают, а в Вязниках знают. В этой гостинице (она ведь одна в городе) остановился сегодня господин Чаковнин. Вероятно, сегодня же он уедет обратно, самое позднее – завтра... Слушайте! У него очень важные документы... Он получил их сегодня здесь и должен отвезти в Вязники. Надо во что бы то ни стало помешать этому, достать у него, взять эти документы. Понимаете? От этого зависит многое...

– Какие документы?

– Ну, объяснять это некогда. Узнаете потом, когда достанете... Теперь сделайте все возможное, чтобы перехватить их у Чаковнина.

– Это очень просто, – решила Дунька, – я скажу графу Косицкому – он велит обыскать господина Чаковнина, и у него отберут...

– Если б это было так легко! Он не отдаст их ни за что и уничтожит скорее, чем отдаст. Нет, такой силой ничего не возьмешь.

– Тогда как же?

– А вот прелестью женской и красотой вашей вы сделаете тут больше, чем граф Косицкий властью.

Дунька почувствовала себя польщенной.

– Но что же я могу? – спросила она.

– Можете обойти господина Чаковнина, как будто встретясь с ним в одной гостинице. Если захотите, то сумеете... Ну, а потом несколько сонных капель в его стакан... А с сонного легко сымете сумочку с документами. Они, вероятно, у него в сумочке, а сумочка эта на нем...

– Ну, хорошо, если я у него, у сонного, возьму их. А дальше что?

– Дальше – вложите на место взятых документов в сумочку приготовленный заранее пучок бумаги, завяжите сумку и оставьте так, будто не произошло ничего особенного и все у него цело. Не надо, чтобы он спохватился здесь. Пусть везет в Вязники сумку с простой бумагой.

Дунька задумалась. Такие сложные, не простые дела она любила и принималась за них с большою охотой. Поэтому она тотчас же произнесла:

– Да, но для этого мне нужны сонные капли!

– Сонных капель – сколько угодно, – весело сказал черный человек. – Вот вам флакон – тут не на одного Чаковнина хватит.

Он подал Дуньке флакон и, пожелав успеха, простился с нею, сказав, что зайдет завтра, чтобы узнать, удачно ли она справилась с Чаковниным.

VII

На другой день, в десятом часу вечера, Чаковнин подъезжал к Вязникам, возвращаясь из города. Днем он сбился с дороги, проплутал без пути в поле и только теперь, к вечеру, мог попасть домой.

Его ждали. По его колокольчику выехали ему навстречу верховые с фонарями. Крыльцо большого дома было освещено. Когда Чаковнин подъехал к нему, казачок распахнул двери.

Чаковнину было очень неприятно, что он опоздал. Он знал, что князь Михаил Андреевич ложился уже спать в это время или, по крайней мере, уходил в свои комнаты и был невидим. Между тем князь, прося его съездить в город за документами, которые должен был передать губернатор, придавал им такое значение, что говорил, что только именно ему может поручить их, потому что верит в его обстоятельность. Чаковнин думал, что князь ждет его возвращения с нетерпением и, вероятно, уже беспокоится. Но вина в опоздании была не его.

– Князь спит? – спросил Чаковнин дворецкого, снимая в передней шубу.

– Князь прошли в свои комнаты.

– Должно быть, велели сказать им, когда я приеду?

– Ничего не приказывали.

– Быть не может! Поди, доложи им, что я приехал.

Чаковнин не знал, в чем состояли привезенные им документы, потому что они были переданы ему вчера губернатором запечатанными, но он знал, что они настолько важны для князя, что, несмотря на установленный в Вязниках обычай, по которому никто не смел беспокоить Михаила Андреевича после того, как тот уходил вечером к себе, он решился все-таки велеть, чтобы доложили князю о его приезде.

Дворецкий удивленно посмотрел на Чаковнина и проговорил:

– Я не смею войти теперь к князю.

– Ну, да, я знаю, что запрещено входить, – начал уже сердиться Чаковнин, – и все-таки поди доложи – я на себя беру. Я знаю, что делаю.

– Не смею...

– Ну, тогда я пойду сам, без доклада, – решил Чаковнин и, поднявшись по лестнице во второй этаж, достиг коридора и направился к комнате князя, так что дворецкий едва поспел за ним.

Обогнав Чаковнина у самой уже двери Михаила Андреевича, слуга заслонил ее собою, говоря:

– И вас пропустить не могу-с!

– Как «не могу-с»? – крикнул Чаковнин. – Я тебе говорю, что я знаю, что делаю!

Но дворецкий не сдавался.

– Не могу-с! – повторил он.

Чаковнин, вспыльчивый и упрямый, окончательно взбесился. Он схватил дворецкого за ворот и оттолкнул его.

В это время дверь открылась, и на пороге появился сам князь.

– Что тут такое? – спросил он.

Чаковнин сразу опомнился, и ему стало и неловко, и стыдно.

– Простите, князь, – проговорил он, – это я... Я вернулся из города – днем сбился с дороги...

Михаил Андреевич молча отступил от двери, пропуская Чаковнина в комнату. Тот вошел.

Это был кабинет Михаила Андреевича.

Роскошь отсюда была окончательно изгнана. Стены были просто выбелены. Стол, заменявший письменный, был простой, сосновый, даже не лакированный. По стенам стояли полки с книгами, тоже сосновые. У окна было только большое вольтеровское кресло. На столе горела лампа под зеленым колпаком и лежала раскрытою толстая книга в кожаном переплете.

Князь, введя Чаковнина, показал ему рукою на кресло и сам сел к столу на стул.
– Я привез документы, – сказал Чаковнин.

Никогда не видел он Михаила Андреевича таким, каков он был теперь. Лицо казалось усталым, бледным, и добрые, всегда оживленные глаза князя, обыкновенно, несмотря на его годы, блестящие, как у молодого человека, словно потускнели и остановились. Было что-то неизъяснимо грустное в его выражении. Он пристально, кротко поглядел на Чаковнина и проговорил, вздохнув:

– Нет, документов вы не привезли мне...

– Как не привез! – воскликнул Чаковнин, поспешно стал расстегивать камзол, затем почти сорвал с себя замшевую, висевшую у него на теле сумочку и, положив ее на стол, проговорил: – Вот они.

– Тут пустая бумага и больше ничего, Александр Ильич! – сказал князь, покачав головою, и, расстегнув пуговицу у сумки, действительно вынул из нее сверток белой бумаги.

Чаковнин посмотрел и убедился, что князь сказал правду.

– Я не знаю, – сердито проговорил он, – губернатор при мне положил эти бумаги в сумку и отдал мне ее. Как она была, так и есть. Я не отстегивал ее.

– Вы не отстегивали ее, – подтвердил князь, – я это знаю, но документы вынуты у вас и на место их положена эта бумага.

– Быть не может! Кто же мог сделать это?

– Черный человек! – проговорил Михаил Андреевич.

Чаковнин посмотрел на князя, точно пред ним был сумасшедший, бредивший наяву, и воскликнул:

– Я никакого черного человека не видал и не знаю!

– Узнаете, может быть, Александр Ильич, а пока он сделал это через Авдотью Иванову, бывшую актрису князя Гурия Львовича.

Холодный пот вдруг выступил у Чаковнина.

Вчера вечером он, встретившись в гостинице в коридоре случайно, как ему казалось, с Авдотьей Ивановой, зашел к ней выпить чаю, потому что она позвала его. Но как об этом мог узнать здесь, в деревне, в нескольких десятках верст от города, князь Михаил Андреевич – он не мог постигнуть.

– Откуда вы знаете, что я встретился с нею? – спросил он.

– Знаю и знаю, что она позвала вас к себе чай пить и вы пошли к ней. Сначала сидели, разговаривали, выпили чай и почувствовали головокружение, потом слабость, потом как бы потеряли сознание и очнулись. Вам показалось, что это длилось одну секунду, так что даже Авдотья не заметила этого, а на самом деле вы были без памяти настолько долго, что она успела спокойно расстегнуть вам камзол, достать сумку, вынуть документы и положить вместо них чистую бумагу... В чае она дала вам одурманивающих капель.

– Ах, забодай ее нечистый! – проговорил Чаковнин. – Но как же вы-то все это узнали?

Князь ничего не ответил.

– Ну, что ж! – сообразил, наконец, Чаковнин. – Если вы знаете, что такую гадость какой-то там черный человек сделал, так скажите, где он. Я готов расшибить его, чтобы отнять документы... Моя вина – я ее исправлю. Сейчас опять снаряжусь в город.

– Нет, Александр Ильич, – перебил его князь, – вина не ваша, а моя... Верьте, так следовало, чтобы эти документы не попали в мои руки теперь. Рано, значит. И напрасно я ускорить хотел. Теперь сам должен быть наказан... Моя вина, Александр Ильич... Я думал, конец моему

испытанию, он был близок, но я сам отдалил его... А теперь спокойной ночи – идите и усните спокойно. Вы не виноваты тут ни в чем.

Из всей этой несколько загадочной речи Чаковнин понял только последнее, то есть, что ему пора уйти, чтобы дать покой Михаилу Андреевичу, и что тот на него не сердится за пропажу документов.

Чаковнина успокоило главным образом то, что князю оказалась известна эта пропажа во всех подробностях. Вероятно, поэтому и меры приняты уже им соответствующие. А как стало это все ему известно – тут мог Чаковнин сказать лишь по своей привычке:

– Ах, забодай его нечистый!

VIII

Гурлов вот уже две недели отсутствовал в Вязниках. Он, по поручению князя, объезжал его дальние вотчины и вводил там новые порядки, везде заменяя барщину оброком. На обратном пути он должен был захватить в город приблизительно в то же время, когда был там Чаковнин. Они хотели вернуться вместе. Но Гурлов опоздал и явился в город на другой день после отъезда Чаковнина в Вязники.

Ему это было досадно; тем более, что приходилось брать ямских лошадей и тащиться на них вместо быстроногих вязниковских коней. Но, помимо этого, выяснилось и еще гораздо большая неприятность. Оказалось, что ямские лошади заняты под поезд петербургского чиновника графа Косицкого, который уезжал сегодня из города.

Гурлов был в отчаянии. Две недели он не видал своей Маши, тосковал по ней и так определенно мечтал уже о свидании с нею, что неожиданная задержка, отлагавшая это свидание, была для него чувствительным горем.

Он отправился сам на ямской двор, чтобы узнать, куда едет этот Косицкий – может быть, по дороге, – и действительно узнал, что Косицкий едет не только по дороге, но именно в самые Вязники. Поезд снаряжался огромный. Косицкого сопровождали заседатель, полицейские и судебные чины, кроме его собственного секретаря и бывших с ним слуг.

Гурлов решил действовать прямо и отправился на квартиру к графу просить его о том, чтобы тот взял его с собою. Косицкий принял молодого человека очень любезно, любезнее даже, чем тот ожидал.

– Вы – тот самый господин Гурлов, который женился на бывшей артистке покойного князя Каравай-Батынского, Марье?..

– Дмитриевне, – подсказал Гурлов. – Да, я женился на ней.

– Так. Вы, значит, были в Вязниках во время смерти князя? Да? Очень хорошо. Скажите, правда ли, что нынешний владелец Вязников, князь Михаил Андреевич Каравай-Батынский, долгое время скрывался там под видом театрального парикмахера?

– Правда.

– А вы не знаете, зачем он делал это?

– Понять многие действия Михаила Андреевича трудно, – заговорил Гурлов, – но только одно могу вам сказать, что все, что он делает, хорошо, и если он нашел нужным скрываться под именем парикмахера, то, насколько я могу объяснить, это было сделано им для того, чтобы, по возможности, уменьшить то зло, причиной которого был покойный князь Гурий Львович.

– Вот как! – улыбнулся Косицкий. – Так вы так высоко ставите князя Михаила Андреевича?

– О, да! – подхватил Гурлов. – Правда, я узнал этого человека всего несколько месяцев тому назад, но с тех пор мог уже убедиться, что это – человек более чем исключительный. Я ему всем обязан – всем своим счастьем. И не один я! Он такой хороший, что возле него даже нельзя быть дурным. Кроме того, он, кажется, знает все. С ним лгать нельзя. Он читает в мыслях и знает все.

– Очень интересно будет познакомиться с ним, – заметил граф. – Так, если хотите, я дам вам место в своем возке.

– Зачем же в вашем? Я где-нибудь...

– Нет, я этого требую.

В тот же день Гурлов выехал из города в возке графа, вместе с ним.

Погода стояла морозная, но внутри возка было тепло, так что пришлось распахнуть шубу. Стекла на окнах покрылись причудливым узором мороза, и так плотно, что через них едва

проникал молочный свет, мягко и без тени расплывавшийся по обитой гродетуром внутренности возка.

Косицкий сидел, прижавшись в угол.

– Ну, уж одно могу сказать, – проговорил он вдруг, – что ваш всеведущий князь, наверное, не знает, зачем я еду к нему.

Однако Гурлов был настолько уверен, что князь Михаил Андреевич все знает (он этому имел уже частые и выразительные доказательства), что убежденно возразил:

– Не говорите! Может быть, и знает. Я вам повторяю, что это – человек необыкновенный.

Ему самому давно хотелось узнать, зачем Косицкий едет теперь в Вязники, но спросить об этом он не решался. Он подождал – не скажет ли ему сам граф чего-нибудь, но тот заговорил о другом.

Он ехал теперь в Вязники с некоторым уже определенным взглядом на дело, успев выработать его в свое пребывание в городе. Он подробно и внимательно изучил переписку о смерти князя Гурия Львовича, которую местные власти, по тогдашней формуле, передали «воле Божьей». Он знал подробности самого происшествия из рассказов Дуньки. Кроме того, он внимательно прислушивался к тому, что говорилось в городе. Из всего этого у него уже составила общая, как думал он, картина. Он был крайне польщен возложенным на него в Петербурге поручением и хотел отличиться. Это желание отличиться заставляло его думать день и ночь о деле. Он думал и, сам того не замечая, подбирал факты для подтверждения своих заранее возникших подозрений. Ему хотелось во что бы то ни стало раскрыть виновность князя Михаила Андреевича.

IX

Когда сопровождавший Косицкого огромный поезд въехал на широкий двор вязниковского дома и первый возок с графом и Гурловым остановился у крыльца, это, по-видимому, не вызвало никакого замешательства или смущения. В окнах не замелькало испуганно-удивленных лиц, по двору не забежали, кучера на конюшнях не засуетились.

Косицкий вошел в дом вместе с Гурловым.

– Надо доложить князю, – начал было Гурлов, поздоровавшись с встретившим их дворецким.

– О приезде графа? – подхватил тот. – Князь уже знает.

– Как знают? – удивился Косицкий.

– Вы ведь изволите быть графом Косицким?

– А ты почему знаешь?

– Князь с утра изволили приказать, чтобы все было готово к приезду вашего сиятельства.

Для вас и для сопровождающих приготовлены комнаты.

Гурлов посмотрел на Косицкого, как бы сказав ему этим взглядом: «Ну, что я вам говорил?» Косицкий только пожал плечами.

Ему было очень неприятно, что в Вязниках были предуведомлены о его приезде. Впрочем, ничего необыкновенного тут не было. Могли дать знать князю с ямского двора, где были заказаны лошади. Это служило только доказательством предусмотрительности князя, но ничего сверхъестественного в себе не заключало.

Однако вскоре Косицкому пришлось убедиться, что всеведение князя, о котором говорил Гурлов, было действительно сверхъестественным.

Едва граф привел себя в порядок в приготовленной для него комнате, как к нему явился дворецкий и доложил, что князь просит графа наверх, к себе, вместе с секретарем.

Князь принял Косицкого у себя в комнате, одетый по-дорожному, совершенно готовый к немедленному отъезду. На нем были теплые меховые сапоги, шубка на беличьем меху и в руках теплая бобровая шапка. Маленький сверток – по-видимому, с самыми необходимыми вещами – лежал возле него.

«Вот оно что, – сообразил Косицкий, – он собирается уехать. Ну, это посмотрим!»

И сомнение, что слова Гурлова могут оправдаться и князь знает, зачем он, граф, приехал к нему, невольно получило подтверждение.

Однако Косицкий решил поведсти осторожную игру. В виновности этого князя он не сомневался. Он был убежден, что этот скрывавшийся в Вязниках обездоленный наследник, всю свою жизнь проведший где-то за границей, явился сюда для того, чтобы известить своего богатого родственника и завладеть его состоянием. Это удалось ему. Но возмездие не должно заставлять ждать себя.

Косицкий все уже сообразил и обдумал, только надо было еще до полного доказательства проверить факты на месте и запастись вещественными уликами. Он был уверен, что найдет их в Вязниках. Странности князя, его якобы всеведение и приготовления, сделанные им к немедленному, по появлению Косицкого, отъезду, говорили не в его пользу. Ясно – он был, что называется, начеку и готов был защищаться.

Однако для того чтобы воспользоваться своими полномочиями и употребить над ним власть, у Косицкого не было еще достаточных оснований. Он мог сделать это лишь по исследовании дела на месте, и теперь решил пока действовать дипломатически.

– Вы, кажется, собрались уезжать? – спросил он князя, оглядев его одеяние.

– Волей-неволей придется, – ответил князь.

– Я бы просил вас... – начал Косицкий. – Дело, по которому я приехал...

– Дело, по которому вы приехали, – глядя прямо ему в глаза, повторил Михаил Андреевич, – убийство покойного князя Гурия Львовича.

– А! Вы говорите «убийство»!

– Да. И в нем вы хотите обвинить меня.

– Позвольте! – снова остановил Косицкий. – Я пока думал только, что смерть князя Гурия Львовича была насильственная – и вы сами подтверждаете это своим словом «убийство», – но кто виновник этого, я не знаю и желаю выяснить это, и выясню.

– Едва ли! – сказал князь.

– Почему едва ли? – вдруг вспыхнув, переспросил Косицкий.

Поведение и разговор Михаила Андреевича сразу показались ему более чем подозрительными. Он думал сначала, что ему придется поиграть немножко, так сказать, в прятки, что князь Михаил Андреевич не решится сам заговорить о деле, а будет, напротив, стараться запутать и замедлить под разными предлогами расследование. Косицкий давно уже представлял себе, как ему придется жить в Вязниках, как он хитро и дипломатично поведет себя с князем и его окружающими, и как, наконец, он, заручившись уликами, арестует князя. Но вышло на самом деле наоборот, вопреки всем этим ожиданиям. Князь Михаил Андреевич в первую же минуту появления в Вязниках Косицкого заговорил с ним не о смерти князя Гурия Львовича, а об «убийстве», и был готов к отъезду, пронюхав каким-то образом, зачем явился к нему уполномоченный из Петербурга. Так мог поступать только человек, несомненно виноватый. Косицкий решил не церемониться с ним.

– Уверяю вас, – твердо произнес граф, – что я найду виновного в убийстве князя Гурия Львовича.

– Вы даже не будете искать его, – вздохнул Михаил Андреевич, – вы будете искать только фактов, которые подтвердят заранее сложившееся в вас убеждение, что убийца этот – я.

– Значит, вы сознаетесь?..

– Ничуть и ни в чем не признаюсь я. Я говорю только, что вы будете делать... Согласитесь, что проще сказать так прямо, чем поступать так, как вы думали поступить: жить здесь, высматривать, допрашивать и все-таки арестовать меня как убийцу.

Косицкому пришлось еще раз убедиться в справедливости слов Гурлова: Михаил Андреевич, по-видимому, читал в мыслях.

– Но согласитесь, – сказал он, – что ваш разговор довольно странен. Вы, собственно, ни с того, ни с сего начинаете обвинять меня в пристрастии, что я захочу непременно привлечь вас, и собираетесь уехать, едва я появился у вас... Мало ли что я могу думать? Но, как хотите, так может вести себя только человек, чувствующий свою вину и растерявшийся. Заметьте, ведь я ни словом не обмолвился, что подозреваю вас... А вы собрались уже уезжать.

Князь Михаил Андреевич улыбнулся.

– Ну, как же вы не хотите подобрать факты для моего обвинения? Я знаю, что вы ничего против меня не имеете, что вы даже вполне уверены, что действуете вполне нелицеприятно. Все это я знаю и вполне этому верю. Но беда в том, что из того, что вам известно, уже сложилось убеждение, что я убил князя Гурия Львовича для того, чтобы завладеть его наследством. И вот на все теперь вы будете смотреть с этой точки зрения. Вы застали меня готовым к отъезду и сейчас же сочли это за улику моей виновности.

– Но как же не счесть? – спросил Косицкий.

– Да ведь, если бы я хотел уехать от вас, кто помешал бы мне сделать это третьего дня, вчера, сегодня утром, наконец, даже после вашего приезда, не впустив вас к себе? Однако я не уехал...

Косицкий должен был согласиться, что рассуждение это справедливо.

– В таком случае, – снова спросил он, – что же значат эти приготовления к отъезду?

– Это значит, что я приготовился не к добровольному отъезду, а к аресту, который все равно вы рано или поздно сделаете. Мне кажется, что тянуть незачем. Это будет совершенно напрасно. Отдайте приказ сейчас же арестовать меня и отправьте в город. Я готов, – и князь Михаил Андреевич поднялся со своего места.

Косицкий, выслушав его совершенно неожиданную отповедь, разинул рот и несколько времени не мог найти, что ему следует сказать или сделать. Князь совершенно поразил его, неожиданно и добровольно отдаваясь под арест.

– Так вы хотите, чтобы я арестовал вас? – проговорил он, все еще не приходя в себя.

– Все не хочу, но рано или поздно вы сделаете это. Я знаю. Так арестуйте лучше сейчас.

«Рано или поздно вы сделаете это, – мысленно повторил себе Косицкий, – значит, сам он убежден в своем аресте, то есть, что этот арест необходим. Что он не сознался еще – ничего не доказывает. Он сознается впоследствии. Раз он сам этого желает – я должен арестовать его».

Косицкому все-таки казалось, что сам Михаил Андреевич желает быть арестованным.

«Нет, значит, человек виноват. Только виноватый может вести себя так. Я не ошибся», – решил он окончательно и проговорил:

– Очень хорошо. Я вас арестую немедленно и беру это на свою ответственность.

– Ну, вот, так-то проще! – сказал князь.

Косицкий тут же приказал секретарю написать распоряжение и препроводительную бумагу, чтобы отослать с ними Михаила Андреевича в город под конвоем, а сам сел писать конфиденциальное письмо губернатору.

Князь призвал к себе дворецкого и спросил графа, может ли он дать свои последние приказания? Косицкий позволил.

И эти последние приказания были так же странны, как все, что говорил и делал до сих пор князь Михаил Андреевич. Он разговаривал с дворецким, как будто покидал дом по собственной воле, вполне определенно зная, что с ним случится в будущем.

– Я вернусь, – спокойно и медленно говорил он дворецкому, – через год и три дня. Приготовь самовар, теплую ванну и что-нибудь закусить – что, ты думаешь, лучше?

– Можно приказать сделать овсяную кашу? – серьезно предложил дворецкий.

– Ну, хорошо, вели сделать овсяную кашу. Чужих никого не будет – все те же, свои: господин Гурлов с женою, Чаковнин и господин Труворов.

Можно было подумать, что речь идет о завтрашнем дне, а не о том, что будет через год и три дня.

– Здесь у меня приберешь все, – продолжал было князь, но Косицкий перебил его:

– Нет, уж после вас все, что здесь есть, будет опечатано и досмотрено, так что дворецкому нечего будет прибирать... Все ваши бумаги я отвезу в город...

– Бумаг никаких не найдете, – возразил князь. – Они все или спрятаны, или отосланы уже.

Как только предписание и письмо были готовы, князя посадили в возок и под конвоем трех казаков, из числа сопровождавших Косицкого в Вязники, отправили в город.

Сделано это было так быстро, что все домашние узнали об аресте князя лишь в ту минуту, когда возок, конвоируемый казаками, тронулся в путь.

Х

После ареста князя Косицкому нечего было долгие стесняться, и он сразу принялся за исполнение своих обязанностей, объявив себя присланным из Петербурга лицом для расследования дела об убийстве покойного князя Гурия Львовича.

Прежде всего он сделал распоряжение, чтобы Гурлов, его жена, Чаковнин и Труворов остались разъединенными по разным комнатам, и приставил караул, чтобы они не могли сообщаться друг с другом прежде допроса.

Предварительно этого допроса Косицкий сделал подробный осмотр места странной кончины Гурия Львовича. Это вполне подтвердило его первоначальные предположения. Теперь он был уверен, что находится на верном следу, и что бы ни говорил там князь Михаил Андреевич, а виновность его несомненна.

Теперь, после исследования (появившаяся Дунька ходила вместе с Косицким и давала ему объяснения и указания), дело представлялось Косицкому так.

Князь Гурий Львович был найден в своей спальне, несомненно, сожженный при помощи лампового масла, которого в лампе, заправленной с вечера, не оказалось. Туловище его было сожжено; остались только ноги, руки и голова. Смерть была ужасная, мучительная. Спальня князя оказалась запертой изнутри. Значит, люди, совершившие злодеяние, проникли не через эту запертую дверь, а иным путем. В окно – было немисливо. Существовала и была найдена Косицким другая, отделанная под штофные обои дверь с лестницы, ведущей в подвал. Она оказалась отпертой. Очевидно, она была отперта и в день смерти князя. Очевидно также, что убийцы поднялись по этой лестнице, вошли в дверь и расправились с князем.

Теперь нужно было решить вопрос: кто могли быть эти убийцы?

Конечно, прежде всего для совершения преступления необходимо основное побуждение, основной мотив, в силу которого оно совершается. Какой мог быть мотив в данном случае? Грабеж, корыстная цель? Но все в спальне было найдено в порядке, и ничего украдено не было. Затем самый способ убийства – медленный и мучительный, как сожжение, не соответствовал действиям с целью грабежа. При грабеже стараются разделаться со своею жертвой как можно скорее, а тут было иначе. Такое убийство было похоже на месть.

Покойный князь Гурий Львович был самодур и зверь. Желать отмстить ему могли многие.

В числе этих многих были, между прочим, Чаковнин, по характеру самолюбивый и вспыльчивый, оскорбленный князем и, очевидно, затаивший против него злобу, а затем Гурлов. Последний был влюблен в Машу, только что явившуюся из Москвы из ученья, крепостную актрису князя. Он явился в Вязники ради нее. Князь держал Машу взаперти. Гурлов делал несколько попыток освободить ее. Он был озлоблен на князя за то, что тот угнетал любимую им девушку. Только смерть князя могла освободить ее. И что же? Как раз вечером пред той ночью, после которой нашли князя мертвым, эти Чаковнин и Гурлов пытаются путем насилия и открытого нападения освободить эту Машу. Это им не удается, их схватывают. Когда схватывают их, является третий их приятель – Труворов – и просит взять его тоже, ибо он де – тоже участник. Их всех троих берут и вместе отводят связанных в тот самый подвал, из которого ведет лестница в спальню князя. Там их будто бы сажают по отдельным камерам и на другой день находят действительно запертыми и связанными по этим камерам. Два сторожа, которые должны были стеречь их, оказываются бежавшими и пропавшими без вести. Вот факты. Не ясно ли, что эти бежавшие сторожа были подкуплены? А раз они были подкуплены, дело становилось очень простым: они ночью развязали и выпустили Чаковнина, Гурлова и Труворова. Те поднялись по лестнице в спальню князя, совершили там свое злое дело, вернулись обратно,

были снова связаны и заперты и считали, что этим всякое подозрение с них снято, потому что они, дескать, были в ночь убийства заключены в подвале.

Все это было очень хитро и хорошо придумано. Виден был опытный и умный руководитель.

Таким руководителем явился арестованный уже князь Михаил Андреевич, наследник, скрывавшийся под именем парикмахера. Смерть князя ему была выгодна, потому что давала ему в руки миллионное состояние. Он явился под чужим именем в Вязники, жил здесь, разведаль все и посулил Гурлову выдать за того Машу замуж, если тот поможет ему достичь желаемого наследства.

К таким выводам и заключениям пришел Косицкий и не сомневался уже в их справедливости. Теперь, по его мнению, нужно только довести виновных до добровольного сознания.

Одно лишь смущало его, а именно то, что общий отзыв о князе Михаиле Андреевиче был прекрасный, все хвалили его. Но и это последнее сомнение пало после допроса первого же сторонника самого князя – Труворова. Тот на вопрос, какого он мнения о князе Михаиле Андреевиче, прямо сказал, что считает его дурным человеком.

После допроса Труворова был призван к Косицкому Гурлов.

Сергей Александрович уже знал об аресте князя и о том, что его отвезли под конвоем казаков в город. Но почему и как это произошло, он не имел понятия, так как сам был задержан в своей комнате, где и оставался один волей-неволей под караулом до тех пор, пока его не позвали к Косицкому.

– Что такое, что случилось? – стал спрашивать он, как только вошел в кабинет князя, где Косицкий производил допрос.

Графа он считал уже человеком знакомым, проехав с ним в одном возке до Вязников, и потому заговорил с ним попросту.

Но тот остановил его, хотя очень вежливо, сказав:

– Простите, но в настоящее время я вас пригласил сюда не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы, а чтобы выслушать от вас ответы на мои, которые я предложу вам.

Гурлов сейчас же, в свою очередь, принял официальный тон и, сев против Косицкого, сухо проговорил:

– Я готов отвечать. Спрашивайте!

– Что вы знаете по делу о смерти князя Гурия Львовича Каравай-Батынского?

– Я думаю то же, что и все: что его обезображенный труп нашли в его спальне...

– Так! А сами вы в ночь убийства лежали связанный в подвале за произведенное нападение для освобождения бывшей актрисы князя, теперешней вашей жены?

В голосе Косицкого чувствовалась некоторая ирония.

– Да, я лежал связанный! – подтвердил Гурлов.

– Так. Ну, а какого вы мнения о новом владельце Вязников, князе Михаиле Андреевиче?

– Я уже говорил.

– Что вы говорили раньше – забудьте. Теперь я спрашиваю вас официально. Ваши слова записываются, – и Косицкий показал на сидевшего за особым столом секретаря, скрипевшего пером по бумаге.

– Я самого лучшего мнения о князе Михаиле Андреевиче, – сказал Гурлов, – и полагаю, что не найдется человека, который сказал бы про него дурно.

– Вы полагаете? Однако же допрошенный пред вами Никита Игнатьевич Труворов держится другого взгляда. Он иного мнения о князе.

– Не может быть! – вырвалось у Гурлова. – Никита Игнатьевич?.. Не может быть!.. Вы, вероятно, не так поняли его, он говорит невнятно и скуп на слова... Это – очевидное недоразумение.

– Пригласите сюда господина Труворова, – обратился Косицкий к секретарю.

Тот вышел, чтобы исполнить приказание.

– Неужели вы подозреваете в чем-нибудь князя Михаила Андреевича? – спросил Гурлов, но Косицкий не ответил ему, сделав вид, что внимательно читает лежавшие пред ним бумаги.

Вошел Труворов, очень недовольный.

– Вот я прошу вас, – сказал ему Косицкий, – повторить при господине Гурлове то, что вы сказали о князе Михаиле Каравай-Батынском.

Труворов молча уставился на Косицкого. Лицо его выразило искреннее душевное страдание.

– Прошу вас отвечать! – настаивал Косицкий. – Подтвердите еще раз то, что вы сказали мне.

– Ну, что там сказал... ну, какой там повторять... – протянул Никита Игнатьевич, махнув рукой.

Косицкий строго сдвинул брови.

– Я обязываю вас, господин Труворов, подтвердить, что вы считаете князя Михаила Каравай-Батынского «дурным человеком», вы так выразились мне...

Труворов вздохнул.

– Никита Игнатьевич, может это быть? – спросил Гурлов.

– Ну, что там – может быть!.. Ну, какой там мучить меня?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.